

НИКОЛАЙ ДАШКИЕВ

«ВЛАСТЕЛИН МИРА»

Николай Дашкиев
«Властелин мира»

1957

Дашкиев Н. А.

«Властелин мира» / Н. А. Дашкиев — 1957

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	19
Глава V	24
Глава VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Властелин мира
Николай Дашкиев

«Властелин мира»

НИКОЛАЙ ДАШКИЕВ

**«ВЛАСТЕЛИН
МИРА»**

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

*Оформление и рисунки
С. Пасьянского*

ХАРЬКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

Глава I

В чем же дело?

– Я больше не могу, Джек! Ты слышишь: не могу!

Высокий худой человек с ввалившимися возбужденными глазами вскочил с места и, шумно отдуваясь, забежал по комнате. Крупные капли пота катились по его морщинистому лицу, он дышал хрипло и учащенно.

– Джек, еще несколько дней такой работы, и я сойду с ума!.. Я уже не владею собой... Как мне хочется разбить вдребезги этот проклятый интегратор!.. О-о-о!.. – человек простонал, сжав руками виски, и тяжело облокотился на подоконник.

За окном плыла густая, влажная, душная тропическая ночь. Ни звука, ни огонька в мягком податливом хаосе. Лишь из окна мутным потоком лился желтый неяркий свет и, не достигая земли, захлебывался в тумане.

– Джек, ну почему ты так жесток?! – голос человека болезненно дрогнул. – Мы знаем друг друга четверть века... Ты никогда не был таким...

Приземистый мужчина с нездоровым одутловатым лицом, сидя у стола, загроможденного сложной аппаратурой, по-прежнему молчал, равнодушно дымя сигарой. Наконец поднял голову и сказал сухо, даже злобно:

– Ты тоже никогда не был таким психопатом, Гарри! Садись-ка лучше на место да заряди новую кассету. Слышал? – босс вернулся. Я не хочу получать из-за тебя взбучку.

С тяжелым вздохом Гарри поплелся в противоположный конец лаборатории. Джек окликнул его вовремя: контрольная лампа интегратора показывала, что начальник требует новую кассету.

Гарри быстро сменил кассету и придвинулся к прибору: как всегда, после перезарядки нужно было произвести подстройку.

– Джек, дай контрольный сигнал! – Гарри произнес эти слова уже обычным деловым тоном.

Джек шелкнул рубильником. – Готово...

– Уменьшай... Постепенно... Еще... еще... – Гарри внимательно наблюдал за прибором. На молочно-белом экране плясали и извивались две ярко-зеленые линии: они перепрыгивали одна через другую, скручивались в толстый жгут, – наконец слились в одну – тонкую и подвижную. Лишь на вершине линия все еще делилась на две.

Гарри чуть-чуть передвинул рукоятку настройки и в тот же миг дико взвыл, откинувшись на спинку кресла. Он почувствовал, что в его глаза ударила вспышка света невероятной силы. Фиолетовые лучи ввинчивались в зрачки, рассекая их бесчисленными тончайшими лезвиями, вливались в мозг струйками расплавленного металла.

– Джек... – Закрыв глаза ладонями, Гарри уже не кричал, а едва слышно стонал. – Выключи... выключи свет... Откуда этот свет? Выключи...

На этот раз Джек не выдержал. Вскочив, он выкрикнул грубо, с оттенком испуга в голосе:

– Что ты городишь, Гарри? Какой свет? Ты ведь не сова, чтобы бояться стоваттной лампы?!

Гарри не отвечал. Он лежал, запрокинув голову, смертельно бледный, неподвижный. Джек подскочил к нему, потряс его за плечи, отнес на руках к дивану, уложил. Гарри открыл глаза:

– Спасибо, Джек. Ты – настоящий друг... Скажи, что это было? Молния?.. Ну, включи же свет – я ничего не вижу.

Джек вздрогнул: под потолком, как и прежде, горела яркая лампа.

– Сейчас, сейчас, Гарри! Верхний свет погас, я по пытаюсь зажечь настольную... – Джек нарочно щелкнул выключателем и обернулся к другу. Тот часто-часто мигал веками и торопил:

– Ну, скорее же... Очень темно, а я должен проверить приборы...

– Не волнуйся, Гарри. Должно быть, авария на станции.

Джек резким движением ткнул пальцем чуть ли не в глаз друга. Гарри не отшатнулся, даже не мигнул. По спине у Джека пополз неприятный холодок: перед ним сидел либо слепой, либо сумасшедший.

– Гарри, ты отдохни, я подежурю за тебя. – Дрожащей рукой Джек налил в стакан немного спирта. – На вот, выпей, а я схожу к монтеру.

Гарри выпил, поморщился и тотчас уснул. Джек уселся на краешек дивана, размышляя над происшедшим. Он не знал, что предпринять. Сообщить боссу?.. Но мистер Харвуд раз и навсегда запретил беспокоить его в лаборатории, что бы ни случилось... Заявить врачу?.. Но этот олух моментально отправит Гарри в сумасшедший дом...

С искренней жалостью смотрел Джек на своего друга. Тот спал тревожно – вскрикивал во сне, дышал тяжело. По временам его лицо болезненно морщилось, и он стонал... Да, Гарри, безусловно, серьезно болен. Ну, пусть отдохнет.

В сущности Джек Петерсон вовсе не был черствым и очень любил Блеквелла. Они познакомились еще в колледже Винстона более двадцати лет назад и с той поры бок о бок шли по безрадостной дороге незаурядных инженеров, не умеющих делать бизнес. У них изредка бывали счастливые дни, но чаще всего они нуждались, ведя отчаянную борьбу за существование, и только настоящая дружба помогала им более-менее спокойно переносить тяготы и невзгоды. Грубоватая шутка или даже молчаливое пожатие руки могли рассеять дурное настроение, вернуть к тому состоянию грустного оптимизма, которое поддерживает «среднего американца» призраком счастливого случая.

И вот теперь произошло что-то непонятное. Может быть, всему виной несносная тропическая жара, напряженная работа, наконец эти ежедневные галлюцинации у Гарри. У Джека почему-то совсем расстроились нервы. Он стал раздражительным и жестоким; мучения Гарри доставляли ему даже какое-то чувство удовольствия. Однако припадки угрюмого, злого настроения исчезали всякий раз, когда он покидал стены этой лаборатории... Нет, надо убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше...

Джек укрыл Гарри плащом, проверил работу приборов, сел в кресло и задумался.

Вот уже десять дней они с Гарри работают в этой лаборатории, не зная ни направления, ни цели исследований. Профессор Харвуд нанял их как высококвалифицированных инженеров-радиотехников, но приходится работать в качестве чуть ли не лаборантов. Откуда-то приходят невероятно короткие радиоволны, их надо принять, усилить, записать на специальную пленку, а затем по первому требованию отослать куда-то по высокочастотному кабелю... Что это – исследование новейшего радиолокатора?.. Ни схема, ни принцип работы не пригодны для этой цели... Какие-нибудь «лучи смерти»?.. Вздор, конечно... Но почему же Гарри, всегда такой выдержанный и спокойный, вдруг стал истеричным?.. То ему слышатся стоны, то у него появляются боли в разных частях тела... А сегодня – прямо уму непостижимо! – после воображаемой вспышки света он ослеп...

Джек настолько углубился в размышления, что совершенно забыл об интеграторе. Телефонный звонок заставил его вскочить с места.

– Да, да, мистер Харвуд!.. Не спал, мистер Харвуд... Гарри заболел, мистер Харвуд... Нет, не Повторится – буду сидеть у аппарата.

Джек торопливо вытер покрывшуюся испариной лысину и бросился к прибору. Кассету он сменил легко, но настроить интегратор долго не удавалось. Когда зажглась световая табличка «Запись!», Джек все еще возился с реостатом.

Тихо жужжал мотор. На экране прибора извивалась волнистая линия. И вдруг один из изгибов этой линии подскочил вверх, задрожал, распадаясь на ряд мельчайших язычков. В тот же миг послышался приглушенный стон.

Что это? – Джек встревоженно посмотрел на Гарри. Тот спокойно посапывал носом. А стон все нарастал, и нельзя было понять, откуда он доносится: его было слышно одновременно со всех сторон. В мозгу возникали какие-то непонятные тревожащие слова, вспыхивали неясные видения; беспокойно, прерывисто стучало сердце.

Джек закрыл глаза и потер лоб. Он начал теперь понимать Гарри: странные, произвольные мысли парализовали волю, сковывали тело. Почему-то захотелось отдернуть левую руку – Джек почувствовал, что ей очень горячо.

Убеждаясь в том, что больше не может выдержать этого странного полуневменяемого состояния, Джек все свое внимание перенес на приборы.

Линии на экране так и остались раздвоенными – прибор все еще не был настроен. Джек осторожным движением повернул на несколько градусов рукоятку потенциометра и...

Его левую руку вдруг охватила невероятная боль. Петерсон ясно ощущал: на коже горит какая-то жидкость. Он отдернул руку, но боль не прекратилась. Ладонь багровела, покрывалась пузырями; мускулы напряглись так, что рука казалась перевитой узловатыми веревками. Боль была такой сильной, что уже почти не ощущалась: ее заглушало чувство невероятной злобы, ненависти, упрямства. В эту минуту Джек не смог бы вспомнить ни одного английского слова – в его мозгу сплошным потоком лилась какая-то тарабарщина.

Вспыхнула надпись: «Закончено!», и Джек, с трудом подняв руку, выключил интегратор. Тотчас же исчезла боль. От руки отхлынула кровь.

Сжав ладонями виски, Джек растерянно смотрел в окно. Он чувствовал: несколько дней такой работы – и можно сойти с ума.

Глава II

Торпеда движется по спирали

В конце апреля 195... года из Владивостокского порта вышел советский теплоход «Игарка» с грузом пшеницы для Индии. Вначале рейс протекал нормально, но в Южно-Китайском море корабль попал в жесточайший шторм.

Здесь, на юго-восточной оконечности Азии, где холодное Курильское течение сталкивается с горячими экваториальными водами, находится кухня погоды тропического пояса. Неглубокое Южно-Китайское море беспокойно вообще, а штормы, или тайфуны, как их тут называют, зачастую достигают исключительной силы. Волны, мчащиеся со скоростью курьерского поезда, иной раз имеют высоту двухэтажного дома. Горе утлому суденышку, попавшему в центр тайфуна! Вода и воздух, смешанные воедино, разметут снасти, искромсают дерево, разбросают железо – от кораблика не останется и следа.

Но и большому пароходу приходится туго. Согни и тысячи железных остовов лежат на отмелях этого моря. Они загромаждают и без того узкий фарватер. Отклониться от линии, проложенной на карте, – значит, рисковать многим.

Давным-давно окончилась вторая мировая война, однако плавание в морях на подступах к Азии все еще было небезопасным. Затонувшие корабли, минные поля, многочисленные мели ограничивали маневренность судов. Лоции – мореходные справочники, издаваемые «хозяевами» этих берегов – англичанами и американцами, – пестреют противоречивыми, а зачастую даже фальшивыми сведениями. К тому же у военно-морских баз ежедневно возводятся все новые и новые минные заграждения, и радиостанции Сингапура, Гонконга, Манилы непрерывно предупреждают о том, что к берегам приближаться нельзя.

Тайфун трепал «Игарку» три дня. Наконец, утром третьего мая порывы ветра начали ослабевать, и небо прояснилось. Удалось определить местонахождение судна. Оказалось, что «Игарку» унесло на северо-запад от обычной трассы. Так как этот район согласно лоции считался опасным из-за мин, на теплоходе были включены ультразвуковые локаторы и усилено наблюдение.

После шторма, как это часто бывает, наступил полный штиль. Было душно, как в бане; к вечеру все небо вновь затянулось низкими тучами. На верхушках мачт, на всех острых предметах вспыхивали мерцающие язычки пламени – огни Эльма. И море было необычным: оно светилось прозрачным голубоватым сиянием; переливалась каждая волна, сияла каждая рыбка в глубине.

Это было необыкновенное, – феерическое зрелище. И пассажиры, и свободные от вахты члены экипажа собрались на палубе, любясь прекрасной игрой света.

На носу теплохода, облокотившись на перила, стояли двое: невысокий худощавый звукометрист «Игарки» инженер Петр Сергеевич Щеглов и громадный широкоплечий радист Михаил Никитович Лымарь. Радист, впервые попавший в экваториальную полосу, интересовался всем, как дитя.

– А это что, товарищ инженер? – показал он на длинную светящуюся ленту в воде.

– Вероятно, морской угорь, – ответил инженер.

– Почему он светится?

– Да потому же, что и все остальное: в тропических водах размножаются определенные светящиеся бактерии.

Лымарь проводил взглядом извивающуюся ленту и глубокомысленно сказал:

– Такое освещение, пожалуй, не особенно выгодно для угря. Какая-нибудь там акула проплыла бы мимо, а то – вот он, как на ладони!

Инженер улыбнулся:

– Но ведь и акула плывет с подобной иллюминацией. А так как она больше, то ее дальше видно. Следовательно, в выигрыше оказывается угорь.

Щеглов заметил что-то вдали и схватил Лымаря за руку:

– А ну-ка, взгляните вон туда... Да нет, правее...

У Лымаря загорелись глаза:

– Акула?

Инженер внимательно всматривался в белесую мглу.

– Возможно... возможно... Однако...

Мимо теплохода на значительном расстоянии проплывало длинное и узкое светящееся пятно. Его центральная часть была более яркой и оттуда в стороны расходились такие же голубоватые лучи, как и от носа «Игарки».

– Подводная лодка... – прошептал Щеглов.

– Подводная лодка?! – Лымарь уже приготовился забросать инженера вопросами, но тот побежал к капитанскому мостику. Через несколько секунд корабль сбавил ход, а светящееся пятно уплыло далеко вперед. Щеглов спустился в трюм и пробыл там долго.

– Ну, вот и предупредили мы с вами аварию, – сказал он, возвратившись к Лымарю. – Видите: даже свечение моря нужно иной раз учитывать. Вот таким образом, например, очень легко заметить косяк рыбы. А во время Отечественной войны мы не одну подводную лодку врага потопили именно потому, что они светились. Свечение воды иногда наблюдается даже в Ледовитом океане.

Помолчали, глядя в мерцающую голубизну моря. Затем Лымарь спросил:

– А это... действительно была подводная лодка?

– Да, Миша. Вероятно, американская. Сингапур – близко.

– А причем здесь Сингапур? – удивился Лымарь. – Ведь это, кажется, английская база?

– Юридически. Но американцы протянули свои лапы уже и сюда, а надменным англичанам пришлось потесниться. Кто владеет Сингапуром, тот контролирует подступы к Азии от Индии до Кореи. Недаром японцы в январе 1942 года свой главный удар направили именно сюда. Эта крепость считалась неприступной, но англичане удрали из нее, не сделав ни единого выстрела, а страну защищали партизаны...

В тот вечер инженер долго рассказывал радисту о местах, мимо которых им вскоре придется проплывать. Это не было изложением прочитанного или услышанного.

Щеглову, как сотруднику советского отдела штаба союзников, перед концом второй мировой войны пришлось некоторое время прожить в Сингапуре, поэтому он довольно хорошо знал эту первоклассную военно-морскую базу.

Лымарь слушал его с напряженным вниманием: то, что уже стало историей, раскрывалось в мельчайших, мало кому известных, сокровенных деталях.

Около полуночи повеял легкий ветерок, и море начало постепенно терять свою феерическую окраску. Лымарь ушел в каюту: ему предстояло заступить на дежурство в шесть утра. А Щеглов все еще не покидал верхней палубы, беспокойно оглядывая горизонт.

Инженера тревожило появление неизвестной подводной лодки и ее странные маневры. Когда несколько часов тому назад на правом траверсе «Игарки» возник характерный светящийся силуэт субмарины, Щеглов был обеспокоен вовсе не возможностью столкновения. На теплоходе испытывался усовершенствованный ультразвуковой локатор, который должен был сигнализировать о приближении какого угодно предмета – то ли на воде, то ли под водой. Но, к удивлению, сигнализатор не сработал. На экране локатора вместо четкого силуэта подводной лодки виднелось тусклое большое пятно. Видимо, неизвестная субмарина, обнаружив работу локаторов «Игарки», начала излучать ультразвуковые колебания, чтобы замаскировать себя.

Несколько раз Щеглов менял частоту волны локатора. Удалось сфотографировать силуэт подводной лодки и установить, что она идет в боевом положении, под перископом. Но затем звукометристы субмарины вновь парализовали работу локаторов «Игарки».

Обо всем этом Щеглов доложил капитану теплохода. Были приняты дополнительные меры: включен магнитный локатор и стопсигнальный прибор. Однако подводная лодка к «Игарке» больше не приближалась и вскоре исчезла.

«Черт возьми! – думал Щеглов, раздраженно посасывая папиросу. – Если американским звукометристам так легко удастся перехватывать частоты ультралокатора, – такой прибор не стоит ломаного гроша!»

Инженеру неприятно было признаться самому себе, что его друзья оказались правы: простота конструкции локатора, которой он так гордился, имела значение лишь при плавании во внутренних морях, но не тут, где каждую минуту можно ждать какой-либо провокации.

Как же усовершенствовать прибор?

Размышления инженера прервал пронзительный звонок в капитанской рубке, за которым последовал толчок. Громадные винты теплохода остановились на мгновение, начали вращаться в обратную сторону, затем затормозились вновь, и корабль пошел вперед как ни в чем не бывало.

Щеглов бросился к борту: подобная кратковременная остановка свидетельствовала о том, что совсем близко перед судном на большой скорости промчался какой-то металлический предмет, и локатор включил автоматические приборы управления.

Перегнувшись через поручни, инженер обвел взглядом пространство перед «Игаркой» и вдруг вскрикнул в ужасе:

– Торпеда!

По поверхности все еще чуть-чуть мерцающего моря, круто загибаясь к корме теплохода, бежала светящаяся дорожка. Всего лишь несколько сот метров отделяли корабль от торпеды, и гибель его была неизбежной. Магнитная торпеда не может не попасть в цель. Проскочив перед носом теплохода, она притягивалась к железному корпусу со все возрастающей силой, двигаясь по спирали.

В подобных случаях полагается расстрелять торпеду из пушек. Но «Игарка» была мирным торговым судном и, конечно, вооружения не имела.

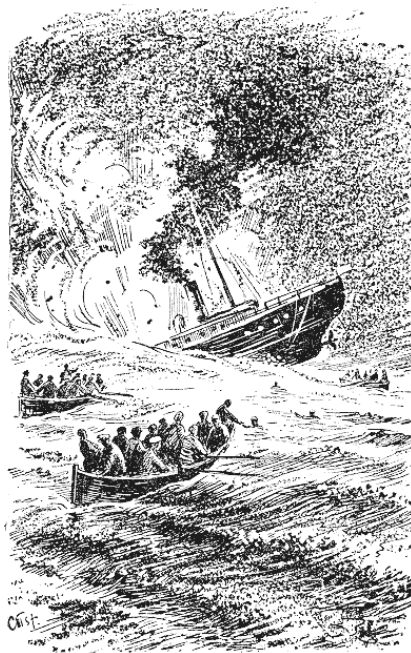
Через несколько секунд по авральному сигналу вся команда выбежала на палубу, а в эфир полетели тревожные сигналы:

– SOS! SOS! SOS!.. Советский теплоход «Игарка» торпедирован неизвестной подводной лодкой. Наши координаты...

А вслед за этим раздался глухой, очень сильный взрыв, и корма теплохода начала медленно погружаться в воду.

Тотчас же были спущены большой моторный бот и шлюпки. Быстро, без суеты, началась погрузка пассажиров. Спасательная команда в последний раз проверяла опустевшие каюты, забирая все, что можно было унести.

Наконец, от «Игарки» отошла последняя шлюпка.

С грустью, с гневом смотрели люди на гибнущий корабль.

Высоко подняв нос, он медленно исчезал в пучине моря.

И когда над ним сомкнулись грязно-желтые неторопливые волны, люди в шлюпках поднялись и склонили головы.

Была произведена перекличка. Спаслись все пассажиры. Из членов команды не оказалось звукометриста «Игарки» инженера Щеглова и младшего радиста Лымаря.

Несколько часов кружились шлюпки у места гибели «Игарки». Еще теплилась надежда, что Лымарь и Щеглов не погибли, а просто затерялись в море. Кому-то даже слышались далекие выкрики; кто-то уверял, что заметил на севере тусклые вспышки света; один из пассажиров утверждал, что в последнюю минуту от гибнущего корабля отошла надувная резиновая лодка... Но все это были только домыслы людей, страстно желавших увидеть своих друзей живыми и невредимыми.

...Рано утром советские многомоторные гидропланы подобрали потерпевших. Вертолеты обследовали весь этот район, но не заметили ни лодок, ни отдельных пловцов. Приходилось признать, что Лымарь и Щеглов погибли.

Глава III

„Колдун двадцатого столетия“

На следующий день Гарри работать не мог. Он жаловался на сильную головную боль, то и дело прикладывал примочки к воспаленным глазам. Джек также чувствовал себя неважно: волдыри на руке лопнули и на их месте образовались язвы. Но физические недуги обоих друзей отступали перед чувством подавленности, тревоги, даже страха.

Джек Петерсон и Гарри Блеквелл, опытные инженеры, были весьма далеки от веры в сверхъестественность событий и прекрасно понимали, что странные заболевания и нарушения психики вызваны какими-то вполне определенными причинами.

– Гарри, а не влияют ли на организм микроволны? – спросил Джек, задумчиво поглаживая лысину.

Гарри медленно покачал головой:

– Не знаю, Джек. Я заметил лишь одно: болезненные симптомы и галлюцинации начинаются у меня при очень точной настройке прибора и вблизи от него. У окна, например, стоны слышатся очень тихо, а боли я не чувствую совершенно...

– М-да... А не доложить ли нам профессору Харвуду обо всем этом?

– Что ты, что ты, Джек?! Помнишь условие: «Никаких вопросов, никаких экспериментов»? Неужели ты хочешь, чтобы нас вышвырнули отсюда без гроша?.. Нет, я предпочитаю сойти с ума здесь, чем подыхать с голоду на родине. Единственное, что можно сделать, – попробовать защищаться своими средствами. Давай подумаем: что если заэкранировать интегратор листом свинца, например? А затем...

– Тс-с-с, Гарри! Десять!

Профессор Харвуд, как всегда, вошел в лабораторию точно в десять. Он сразу же заметил воспаленные глаза Гарри Блеквелла и забинтованную руку Джека Петерсона, однако не сказал ничего и склонился над интегратором.

– Мистер Харвуд... – Джек переминался с ноги на ногу. – Гарри заболел. Денька два мне придется работать одному...

Харвуд холодно кивнул головой:

– Хорошо. Блеквелл, идите к врачу. Петерсон, продолжайте работу. Экспериментальное время будет сокращено на два часа. Вас это устраивает?

– Да, мистер Харвуд. Но я хотел бы получить инструктаж, – ведь я не работал с интегратором. Кроме того, меня интересует...

– Мне совершенно безразлично, что вас интересует, мистер Петерсон! – профессор Харвуд поджал тонкие белые губы и пригладил рукой и без того прилизанные редкие волосы. – Все, что вам следует знать, я объясню.

Он вышел из лаборатории и возвратился через несколько секунд со странным, похожим на большую автомобильную фару шлемом в руках. От шлема тянулся гибкий чешуйчатый провод. Харвуд присоединил его к интегратору и повернулся к Петерсону:

– Включите первый период. Волна семьдесят пять....

– Нет, не так. Замените кварцевый стабилизатор.

Джек засуетился над приборами. Его страшно возмущал презрительный и наглый тон Харвуда, но он боялся возразить не только словом, но и взглядом.

– Взгляните-ка сюда!.. Видите: эти две линии на экране должны совпадать. Ясно?

– Да. Но...

– Вам ясно, мистер Петерсон? В этом и состоит ваша задача. С ней справился бы любой воспитанник колледжа. Но... – Харвуд повел бровью. – Я решил нанять опытного инженера. Просто на всякий случай.

Петерсон поежился. Намек Харвуда показался ему более чем прозрачным. Значит, босс знает все, и может быть даже...

Пожилой инженер смотрел на молодого профессора с нескрываемой тревогой. Харвуду было не более тридцати пяти лет, и он выглядел даже красивым: строгие черты лица, высокий чистый лоб, умные волевые глаза. Но его лицо было неподвижной маской, во взгляде светилась холодная жестокость, а лоб... Что могло скрываться за этим сократовским лбом?.. Во всяком случае, в душе Харвуда не нашлось бы места сентиментальности. Лишь расчет – безжалостный, сухой. Такие люди способны и на величайшие открытия, и на страшнейшие преступления.

Харвуд, не снимая шлема, сидел у интегратора молча, как бы прислушиваясь к своим мыслям. Иногда он хмурил брови, иногда улыбался. Затем вдруг вскочил и, покусывая губу, обеспокоенно обвел глазами комнату. Он и в самом деле прислушивался: вертел головой во все стороны, чуть приоткрыв рот. Наконец неожиданно улыбнулся, злорадно, торжествуя, выключил аппарат и, захватив с собой шлем, быстрыми шагами вышел из лаборатории.

Спустя две-три минуты к подъезду почти бесшумно подкатил шикарный открытый автомобиль. Из него вышел толстяк с сигарой в зубах и молодая красивая девушка.

Профессор Харвуд спешил им навстречу, ослепительно улыбаясь...

Джек отвернулся от окна и, насупив широкие рыжие брови, раздраженно зашагал по лаборатории. Странное поведение Харвуда заинтриговало его. Можно было поклясться, что босс услышал рокот автомобильного мотора за несколько километров. Следовательно, таинственный интегратор – не что иное, как усовершенствованный звукоуловитель? Но зачем тогда этот шлем – без микрофона, без наушников?

Прошел час, другой – Харвуд не появлялся, сигнала начинать работу не было. Проклиная вынужденное безделье, Джек Петерсон слонялся по лаборатории. У него чесались руки от желания что-нибудь строгать, паять, сверлить или хотя бы производить какие-либо сложные вычисления. Может быть, именно поэтому, нарушая строжайший запрет, Джек Петерсон начал конструировать копию «радиошлема» профессора Харвуда.

В тот день босс в лабораторию так и не пришел, поэтому Петерсон мог экспериментировать свободно. В результате сложнейших вычислений ему удалось рассчитать размеры и форму антенны. Но получалось вовсе не то, что нужно: сооружение по своим размерам было бы под стать слону – лишь на один ободок шлема пришлось бы затратить свыше ста килограммов серебра.

Джек, вероятно, упускал из виду какое-то незначительное обстоятельство. Микроскопическая погрешность, которую он не сумел учесть, повторяясь многократно, приводила к абсурду. Но как ни напрягал он мозг, ничего не удавалось придумать.

Инженер ощутил приближение тягостного состояния отупения и озлобленности, которое так часто охватывало его с наступлением сумерек. Тело, измученное несносной жарой тропического дня, ждало почкой прохлады. Однако ночь не приносила облегчения: духота становилась еще более неподвижной; на землю опускался густой, пропитанный гнилыми испарениями туман; в освещенном электричеством воздухе то и дело гремели грозовые раскаты; низко нависшие тучи низвергали сплошные потоки дождя, но все казалось, что это лишь пролог настоящей грозы. Природа томительно ждала освежающей прохлады, но ее не было.

Джек сидел у стола, склонив большую лысую голову на свои жилистые руки. В такие безрадостные минуты, когда казалось, что жизнь прожита напрасно, он привык успокаивать себя воспоминаниями. В свое время ему прочили блестящее будущее. Он работал над созданием одного из первых типов радиолокатора, сконструировал несколько оригинальных приборов специального назначения. Но затем...

Перед глазами инженера возникла улыбающаяся Мегги. Пятнадцать лет назад они встретились и полюбили друг друга. Она была всегда весела и беззаботна; Джек, состоя консультантом лондонского отделения фирмы «Дженерал-Электрик», получал свыше трехсот долларов в неделю и имел широкую возможность экспериментировать в прекрасно оборудованных лабораториях... О, то было чудесное, неповторимое время!.. Правда, Мегги не нравилась туманная чопорная Англия; они мечтали о небольшой уютной вилле где-нибудь в Калифорнии, и Джек уверял, что виллу можно будет приобрести, как только окончится срок контракта.

Однако Мегги пришлось покинуть Англию гораздо раньше. Когда вспыхнула вторая мировая война и немецкие бомбардировщики начали рваться к городу, Джек настоял, чтобы Мегги уехала на родину, в Америку. Он предусмотрительно купил для жены билет на пароход нейтральной страны, однако лайнер «Уругвай», выйдя из Лондона, исчез без следа. Лишь у Азорских островов была подобрана шлюпка с этого судна. Мегги, конечно, погибла.

С того времени счастье изменило Джеку Петерсону. Не находя себе места от тоски и ненависти к немцам, он решил пойти в действующую армию; пережил ужас Дюнкерка, сражался с гитлеровцами в Африке, руководил звукометрическим судном в Северном море и там попал в плен. Не в пример другим, он отказался выдавать военные тайны и за это был брошен в один из самых страшных фашистских лагерей смерти на севере Норвегии.

О, этот лагерь!.. Джек там поседел, облысел и потерял здоровье...

Увлечшись воспоминаниями, инженер незаметно для самого себя уснул у лабораторного стола. Но сон не дал отдыха возбужденному мозгу: пережитое возникало вновь и вновь, воплотившись в более яркую форму.

Ему снилось утро в лагере. Оно начиналось пронзительным трезвоном электрических звонков, отождествлявших собой грядущие истязания и постоянную угрозу смерти. Как хотелось тогда, втянув голову в плечи, не слышать ничего, дать хотя бы на несколько минут покой изнуренному, обессиленному телу...

Джек весь сжался, ожидая во сне, что вот-вот на его плечи со свистом опустится плеть...

...А над дверью лаборатории все звенел и звенел звонок. Это был сигнал окончания работ. Через пять минут в лабораторном корпусе не имел права находиться ни один человек – включались электрические защитные приспособления.

Джек не услышал и второго сигнала. Но, как это часто бывает, едва лишь установилась абсолютная тишина, он проснулся внезапно и сразу же поднес к глазам светящийся циферблат часов.

«Пять минут одиннадцатого! – испуганно подумал инженер. – Что же делать?»

Он на цыпочках направился к двери, ожидая, что вот-вот блеснет вспышка, и ток высокого напряжения пронзит ему грудь. О, Джек Петерсон прекрасно помнил первый пункт приказа об охране лабораторного корпуса!

Однако ничего необычного не произошло. Хорошо смазанная дверь легко поддалась, и Джек после минутного раздумья высунул голову в коридор. Он тотчас же отпрянул назад и быстро заперся на ключ. В коридоре инженер увидел Смита, помощника Харвуда.

Смит, как всегда, шел крадучись. Он удивительно напоминал настороженного, принимающего хищника: полусогнутая спина, казалось, была готова в любой момент выпрямиться, как стальная пружина; руки, согнутые в локтях и прижатые к бокам, подрагивали, как бы готовые вцепиться в намеченную жертву; его лицо с чертами неприятными и мелкими, как у хорька, непрерывно двигалось. Вряд ли можно было найти наружность менее привлекательную и вряд ли можно было меньше походить на инженера. Старожилы Гринхауза, этой секретной лаборатории, в первый же день предупредили Петерсона и Блеквелла, что Смит очень умен, хитер и жесток. С ним надо держать ухо востро. Харвуд в нем не чает души и верит каждому его слову.

Движение Джека было чисто машинальным: он не любил и побаивался Смита. Но как бы то ни было, лишь Смит смог бы помочь ему выбраться из неприятного положения случайного арестанта. На этот раз уже решительно инженер открыл дверь и вышел в коридор.

Смит возился у какой-то ниши против двери кабинета Харвуда. Джек мог бы поклясться, что ни углубления, ни какой-либо дверцы в стене раньше не было. Видимо, за узорчатым линолеумом находился тщательно замаскированный тайник.;

Обращаться к Смиту в эту минуту было более чем неблагоприятно: помощник Харвуда никогда не простит раскрытия одной из тайн лаборатории. Выругавшись про себя, Джек вновь прикрыл дверь, продолжая наблюдения сквозь узенькую щелку.

Смит, вероятно, ремонтировал оборудование какого-то электрического узла. Он соединял цветные провода, время от времени посматривая на монтажную схему, затем вдруг закончил к выходу, – может быть, чтобы проверить устройство в другом месте. Джек решил, что выпал как нельзя более удобный случай улизнуть из лаборатории подобра-поздорову.

Лабораторный корпус был выстроен в форме дуги, и коридор, повторяя очертания здания, шел во всю его длину. Лаборатория Петерсона и Блеквелла помещалась почти в центре корпуса, рядом с кабинетом профессора Харвуда. До лестницы, ведущей на первый этаж, Джеку предстояло преодолеть не больше двадцати метров.

Тщательно заперев лабораторию, Джек быстрыми шагами двинулся к выходу. Едва он поравнялся с кабинетом Харвуда, как впереди, за поворотом, послышался натужный кашель Смита.

Джек замер. Возвращаться – поздно. Спрятаться – некуда. Ниша, у которой ранее возился Смит, оказалась незначительным углублением, сплошь заполненным проводами и аппаратурой.

Взгляд инженера упал на дверь кабинета Харвуда. Она была чуть-чуть приоткрыта, – вероятно, туда заходил Смит.

Может быть, если бы у Джека было время для размышлений, он никогда бы не рискнул забраться в кабинет шефа: из неприятного положения он попадал таким образом в очень опасное. Но способность к анализу восстановилась у инженера лишь когда он уже юркнул в запретную комнату и прильнул к замочной скважине.

Смит неторопливо окончил монтаж, сделал какой-то жест рукой, и тотчас же поднимавшаяся из щели в полу плита наглухо закрыла нишу. Вслед за этим он направился к двери кабинета Харвуда.

Джек отскочил в сторону. В абсолютной темноте не найдешь даже места, где бы можно было спрятаться. Он ударился о какой-то массивный предмет, крикнул. А вслед за этим замок щелкнул дважды и настала тишина.

– Вот так история! – огорченно свистнул Джек. – Ну, старина, попался ты, как мышь в мышеловку! С Гринхаузом, конечно, придется распрощаться... и с долларами тоже.

Этот вывод должен был огорчить Джека. Но у него на душе почему-то стало приятно и легко. Сейчас, когда он явственно видел себя вышвырнутым из лаборатории, перспектива вновь стать безработным показалась ему совсем не страшной. Так всегда случалось с Джеком; ему трудно было расстаться с иллюзией, а затем он с легкостью подыскивал оправдывающие мотивы, с несомненной ясностью доказывая самому себе, что все идет к лучшему.

– Пустяки! – ворчал инженер. – Лучше быть безработным, чем сойти с ума в этой идиотской лаборатории! Да и кто знает, что за темные дела тут совершаются?

И вдруг ему захотелось узнать, чем же занимается профессор Харвуд. Даже один взгляд на кабинет босса мог бы раскрыть многое.

В ладонях, как на ветру, Джек зажег спичку. Красное колеблющееся пламя выхватило из темноты целый ряд шкафов с книгами, диван, большой письменный стол и громадную бетон-

ную тумбу, сплошь заставленную приборами. На краю тумбы Джек заметил знакомые очертания интегратора с подключенным к нему «радиошлемом».

Даже под страхом смерти инженер не ушел бы теперь из этого кабинета. Он осторожно пробрался поближе к интегратору, уселся в удобное мягкое кресло, надел шлем и включил прибор.

Через минуту, когда нагрелись радиолампы, на экране интегратора заплясали зеленые змейки. А еще через несколько мгновений мгла в комнате начала рассеиваться.

Инженер оторопело следил за происходящим. Каждый предмет, каждая мельчайшая деталь появлялась в мерцающем серебристо-сером сиянии. Это был ни с чем не сравнимый свет: он воспринимался как нечто нереальное, призрачное. И все же Джек, не вставая с места, мог видеть абсолютно все в кабинете!

Взгляд инженера упал на книжный шкаф. Там было очень мало технических книг. На корешках инженер читал: «Психология», «Анатомия», «Экспериментальная хирургия», «Нервные болезни».

– Черт возьми! – прошептал Джек. – Неужели босс изготовил свой «радиошлем» для того, чтобы...

Удивительно: одно лишь воспоминание о харвудской антенне вызвало у Петерсона целый поток мыслей. В памяти совершенно явственно пробежал весь день. Расчеты, которые производил инженер, пытаясь разгадать секрет установки Харвуда, пробегали один за другим, формулы сменялись формулами, и Джек представлял их так ясно, словно перед ним вновь лежали исписанные страницы вычислений. Да и эти листы бумаги видел Джек!.. Вот измятый клочок ватмана, в нем Джек принес утром свой завтрак. В левом верхнем углу – небольшое масляное пятно. Ниже пятна – перечеркнутая крест-накрест формула... Ошибка?.. Да, Джек помнит, что формула казалась ему несоответствующей. Однако нужно было избрать именно ее, а не эту, подчеркнутую трижды...

Неожиданно легко Петерсон обнаружил, почему его расчеты оказались неудачными. Он смог бы теперь в точности скопировать «радиошлем». Но тут же стало ясно, что конструкцию можно значительно упростить. Расчет должен быть таким...

Джек порылся в карманах отыскивая записную книжку, но с удивлением заметил, что она ему вовсе не нужна. Он производил все вычисления в уме, ничего не забывая. Нужные формулы, заученные им четверть века назад, возникали в памяти, как на экране. Джек видел не только формулу, а целую страницу учебника, где эта формула была напечатана!

Инженеру потребовалась таблица логарифмов. И тотчас же перед его глазами появились длиннейшие столбцы семизначных чисел. Случилось невероятное: таблицу логарифмов, невообразимое скопище цифр, Джек Петерсон мог повторить наизусть!

Последнее открытие настолько удивило и напугало инженера, что он начал сомневаться, не снится ли ему все это и в здравом ли он уме.

Классическим способом, – ущипнув самого себя за нос, – ему удалось установить с достоверностью, что о сне не может быть и речи. А ясность сознания... Джек никогда не мыслил так ясно и ярко, как сейчас!.. Память обострилась у него до невероятных пределов: он помнил буквально все, начиная с младенческого возраста. Да и не только память. Лишь теперь Джек обратил внимание, что его обоняние и слух, крайне притупившиеся в последнее время, приобрели чрезвычайную восприимчивость.

Джек чувствовал запахи вещей. В помещении пахло гнилью, старыми книгами, железом, буковым деревом, духами «Атом», серной кислотой... и сахаром.

«Почему – сахаром? – недоумевал Петерсон. – Ведь сахар не пахнет?».

Но странно знакомый и вместе с тем необычный запах бил в ноздри тонкой ощутимой струйкой. Инженер протянул руку, и его пальцы наткнулись на склянку с плотно притертой пробкой.

Да, здесь хранился сахар! Джек высыпал на ладонь несколько сверкающих кристалликов и лизнул их языком.

К знакомому с детства ощущению сладости присоединились десятки привкусов. Джек смог бы описать историю этих крупинок: сахар перевозился в джутовом мешке, недалеко от табака и сельди, затем хранился в медном или латунном сосуде. К сахару прикасалась рука мистера Харвуда, – да, Джек явственно чувствовал этот запах!

Это выходило за пределы возможного. Петерсона бил озноб. Инженер действительно находился в состоянии, близком к помешательству, однако не сделал ни малейшей попытки освободиться от «радиошлема». Он с жадностью ринулся в исследования, заново открывая мир, казавшийся ранее испытанным и изученным полностью. Звуки... О, все пространство было наполнено звуками! Джек слышал, как где-то в углу ползет какая-то крошечная букашка; оглушительно тикали карманные часы; сквозь закрытое окно или, может быть, даже через стены откуда-то долетали неторопливые грузные шаги; в каком-то из потаенных уголков джунглей зарычал хищник. А вот, пробиваясь сквозь хаос звуков, явственно донесся характерный шум морского прибоя... Как это могло случиться? Ведь до моря отсюда не менее сорока миль?!

Можно было бы растеряться в этом хаосе звуков, если бы Петерсон не приобрел способности легко концентрировать свое внимание на одном из них. Как в настраиваемом приемнике, в его уши врывались шорохи, пiski, возгласы, а он все пропускал их, желая услышать еще что-то, более интересное. А, вот оно!

Ласковый девичий голос, – странно знакомый и одновременно никогда не слышанный ранее, – произнес:

– Ну, мой милый «Властелин мира», рассказывайте!

Ей ответил Харвуд:

– Хорошо, Бетси... Но раньше я покажу вам кое-что.

Пойдемте ко мне в лабораторию.

Джек Петерсон испуганно вскочил с кресла. От его резкого движения интегратор расстроился. Ярко-зеленые линии на экране расползлись в разные стороны. Мгновенно погасло серебристо-пепельное сияние окружающих предметов. Затихли звуки. Исчезли запахи.

За окном монотонно шумел дождь. В удушливой темноте плавали густые испарения болот.

Глава IV

Один в море

Глухо, протяжно кричал тонущий теплоход. Завывала авральная сирена. Надрывались электрические звонки. Это была страшная минута, когда и человеку хотелось закричать во весь голос...

Но ничего этого Миша Лымарь не слышал.

Утомленный предыдущими бессонными ночами, он уснул мертвым сном здорового молодого человека в тот миг, когда тело коснулось постели.

Торпеда взорвалась под его каютой, разворотила борт, выбросила прочь спящего и лишь благодаря счастливому случаю не накрыла обломком деревянной переборки.

Михаил пришел в себя уже в воде. Его руки судорожно сжимали какой-то кусок дерева, в голове звенело, во рту было полно чего-то соленого и липкого. Он попытался крикнуть, но не смог выдавить из себя ни звука. Тогда, еще не способный соображать, он, подсознательно борясь за жизнь, устроился на доске удобнее, начал грести куда-то в сторону, чтобы не угодить под корабль, и затем впал в странное полузабытье. Окончательно он опомнился лишь когда через него с плеском перекатилась волна.

Невдалеке очень медленно проплывала подводная лодка. На ее мостике стояло несколько человек.

Лымарь забыл о событиях минувшего вечера. Он не мог бы даже предположить, что именно эта субмарина торпедировала «Игарку». Да, собственно, и некогда было раздумывать что к чему.

– Помогите! – крикнул радист. Однако из его груди вырвалось лишь приглушенное хрипение.

Язык еще отказывался ему служить, но силы постепенно восстанавливались, Лымарь это чувствовал. Поэтому он решил покинуть спасительную доску и поплыл к подводной лодке. Ему удалось ухватиться за какой-то трос – вероятно, за антенну.

Держась за провод, он пополз к мостику. Тут его заметили. Но вместо того, чтобы помочь подняться, кто-то грубо навалился на него, заламывая ему руки за спину.

Случись подобное в иную минуту – солоно пришлось бы таким «спасителям»! Лымарь мог шутя справиться с двумя или тремя. Даже сейчас, обессиленный, он вскипел, вырвался, сразмаху ударил кого-то ногой. Тот с проклятьем полетел в воду. А на Михаила набросились уже несколько человек, скрутили, связали и потащили в подводную лодку. В тесной боевой рубке его то ли нечаянно, то ли нарочно так стукнули головой об острый металлический косяк, что он вновь – и, вероятно, надолго – потерял сознание.

Подводная лодка, видимо, лежала на дне моря, ибо моторы не работали и болтанки не чувствовалось.

Лымарь дернулся, потряхнул головой, однако шум в ушах не исчез и перед глазами еще стояла мелкая розовая сетка. Он попытался шевельнуть руками, но они были связаны за спиной. Нельзя было даже выпрямиться: ноги упирались в узкую металлическую дверь.

Лымарь дернулся еще раз, изловчился и сел. Нашупал концами пальцев веревку, стягивающую запястья. Это был прочный, хорошо просмоленный джутовый трос, надежно завязанный двойным морским узлом. Но радист решил во что бы то ни стало освободиться от пут. Обнаружив на стене сзади себя какой-то выступ, он, прижимая к нему руки, начал настойчиво тереть узлом по острой грани. Веревка врезалась в тело, шершавая поверхность плохо окрашенного металла царапала кожу на ладоням, но на это уже некогда было обращать внимания.

Возможно, ему в конце концов удалось бы перетереть трос. Но внезапно шелкнула задвижка, и дверца открылась. Два дюжих матроса молча вытащили радиста из каземата и поставили на ноги. Один из них, – старший судя по нашивкам, – показал рукой куда-то вперед, и Лымарь покорно пошел по невысокому узкому коридору.

Никогда до этого Михаил не бывал на подводной лодке, но сейчас ему не приходилось разглядывать. Он двигался почти машинально, напряженно обдумывая, что означает этот неожиданный плен и чего можно ожидать в будущем от тех, в чьи руки он попал.

Первый, второй, третий отсек... Машинное отделение... Радиорубка... В конце коридора матрос остановился и постучал в дверь. Она тотчас открылась.

– Входите, прошу! – сказал на ломаном русском языке тщедушный человечешко в гражданской одежде.

Лымарь мрачно осмотрел крохотную каюту, смерил взглядом незнакомца.

– На каком основании меня связали? Я – советский подданный.

На лице человека в гражданском появилось наигранное удивление:

– О, вы сами вынудили нас к этому! Вы чуть не убили одного из наших матросов!.. А относительно подданства... – он взглянул на полуголого Лымаря с насмешкой. – Нужно иметь хоть какие-нибудь документы!

– Вы можете запросить обо мне по радио.

– О, да!.. Просту, садитесь! – человек в гражданском подсел к небольшому металлическому столику и взял чистый лист бумаги. – Ваша фамилия?.. Должность?.. Год рождения?.. Домашний адрес?.. Семейное положение?..

Лымарь вначале отвечал терпеливо, но затем разозлился:

– Да зачем вам все это нужно?! Запишите одно: радист Лымарь с «Игарки».

– Э, нет, нет! Знаете – дипломатические процедуры я тому подобное... Вам нужно подписать также вот это заявление... Извините – на английском языке. Переводчика у нас, к сожалению, нет.

Когда-то давно, в семилетке, Михаил изучал английский язык кое-как, считая его величайшим наказанием для ученика. Позже не было времени приняться за настойчивую учебу, но, поддерживая связь с коротковолновиками за границы, он все же начал немного понимать и английскую речь.

Внимательно изучал он напечатанный на машинке текст.

«Я... – гражданин... бывший... СССР... эмигрант... прошу убежища...»

Не удавалось перевести текст полностью, но и этих слов было вполне достаточно, чтобы понять смысл заявления.

– Развяжите меня! – угрожающе сказал Лымарь.

– О, да, да! – заторопился человек в штатском. – Вы хотите есть? Сейчас вам принесут... Ах, нет – воды?.. Чарли, воды!

– Хватит разыгрывать комедию! Я не эмигрант и ни каких бумажек подписывать не буду. Немедленно освободите меня!

– Освободить?! – человек в гражданском вышел из-за стола и похлопал Лымаря по плечу. – В самом деле, хватит шуток, – голос его зазвучал сухо. – Не забывайте, что вы попали на военный корабль и можете быть расстреляны, как иностранный лазутчик. Отсюда есть два выхода: или акулам на завтрак, или... или в лагерь перемещенных лиц.

Михаил Лымарь никогда не отличался особенной выдержкой, а эти слова подействовали на него, как удар плетки. Он прореагировал на них неожиданно и молниеносно: склонил голову и так трахнул ею человека в штатском, что тот лишь пятками мелькнул в воздухе.

На крик сбежались матросы, и в каюте началась настоящая драка. Но где уж тут было сопротивляться одному, связанному, против многих! Лымаря скрутили, стянули дополнительными веревками, бросили на пол.

– Хорошо... хорошо... – зловеще повторял человечешко в гражданском, вытирая платком окровавленный нос – Даю вам пятнадцать минут на размышления. В случае отказа будете расстреляны!

Он вышел из каюты, зло грохнув дверью.

Лымарь остался в одиночестве.

Пятнадцать минут!.. Нет, это не шутка. Дело идет о жизни и смерти.

Умирать, да к тому же вот так глупо, не хотелось. Давно закончились бои второй мировой войны, и радист Михаил Лымарь уже начал забывать, как посвистывала и погрохатывала над ним смерть. Теперь бы только жить да жить...

«Ну, а что если пуститься на хитрость?.. Подписать заявление, а затем удрать при первом же удобном случае?»

Он тотчас же прогнал эту малодушную мысль. Стоит пошатнуться хотя бы раз – и попадешь в западню, из которой вряд ли вырвешься. «Перемещенные лица!» О, их крепко держат в руках, запугивая, агитируя, прививая им худшие человеческие – или, вернее, звериные – качества. Лучше погибнуть, чем стать одним из таких!

Значит – все...

Пятнадцать минут... Что можно сделать за этот незначительный отрезок времени?.. Выкурить две папиросы. Выпить кружку пива в каком-либо буфете. Поговорить с молодой красивой девушкой... Вот и все. И не жаль этих минут, потому что за ними будут и будут часы, дни, недели, месяцы... Но если пятнадцать минут последние в жизни, то они приобретают совсем иной смысл.

Тридцать один год прожил на белом свете Михаил Лымарь. Воевал. Работал. Не сделал ничего необыкновенного, выдающегося. И вот теперь должен уйти из жизни, исчезнуть, как исчезает след парохода на поверхности моря. И это больше всего угнетало Михаила.

Ах, как много времени было ухлопано на бильярд. Как часто вместо того, чтобы посидеть за учебником, он с друзьями «заколачивал козла» так, что косточки домино разлетались вдребезги!.. Не успел даже влюбиться, – вот так, все искал лучшей... А о своих юношеских мечтах и забыл...

Давно, еще в техникуме, Михаилу кто-то объяснил, что человеческий мозг, подобно радиостанции, излучает радиоволны. И взбрела ему тогда на ум идея построить такой приемник, чтобы с его помощью читать человеческие мысли.

Преподаватель физики дружески осмеял этот проект, зато однажды предложил своему пытливому ученику сходить в институт экспериментальной физиологии.

И вот там шестнадцатилетний Миша Лымарь и увидел энцефалограф – прибор для записи биотоков мозга.

В небольшую, экранированную толстыми листами свинца камеру вошел какой-то юноша. На его голову надели упругий обруч с несколькими графитными стержнями. От стержней через стены камеры к энцефалографу тянулся чешуйчатый металлический провод.

Дверь камеры закрылась. Прошло несколько минут. И вот на экране прибора, немного похожего на телевизор, появилась ярко-зеленая шевелящаяся линия. Вначале каждый из ее выступов выплясывал, рассыпаясь на множество более мелких и тонких, но постепенно движение линии начало замедляться, изгибы становились ступенчатыми, приобретали вполне определенную, постоянную форму.

– Это так называемые «альфа-ритмы», – объяснил профессор. – То есть электромагнитное излучение мозга этого юноши в спокойном состоянии. Юноша может приобрести новые знания, изменить профессию, состариться, стать совсем непохожим на самого себя внешне, но «альфа-ритмы» останутся для него неизменными на протяжении всей его жизни. Это, если хотите, паспорт мозга, и паспорт такой, которого подделать невозможно.

Михаил был настолько поражен, что не мог произнести ни слова. А профессор, приставив к прибору киноаппарат, объяснял дальше:

– Сейчас мы сфотографируем колебательные процессы, происходящие в мозгу при разных условиях. На киноленте мы получим так называемую «энцефалограмму»... Обратите внимание: я даю подопытному определенное задание.

Профессор снял крышку с переговорной трубки и произнес четко, раздельно:

– Помножьте двенадцать на восемь!

О чудо! На экране прибора вмиг нарушился плавный ход «альфа-ритмов». Подскочили вверх острые языки, задрожали, рассыпались на более мелкие, побежали вперед, а на смену им приходили все новые и новые – беспокойные, причудливые.

– Девяносто шесть! – послышался из переговорной трубки приглушенный голос юноши. Выступы на линии начали спадать, ее движение замедлялось.

– Сколько вам лет?

– Двадцать!

И вновь по экрану пробежала волна, однако уже иной формы, с иным размахом.

Профессор продолжал задавать вопросы, включал и выключал свет, звонки разного тона, требовал представить то или иное, петь, читать, решать задачи... И все это отражалось на экране своеобразным, неповторимым и необъяснимым движением зеленой линии.

– Так вот друг, – серьезно сказал профессор Мише, когда сеанс закончился. – Видишь, какое это серьезное дело – изучение человеческого мозга?

– Вижу.

Вот и все, что мог ответить потрясенный Миша. Он столкнулся со сказкой наяву, с чем-то величественным в своей загадочности и поклялся в тот день, что добьется своей цели и раскроет все тайны человеческого мышления. Ах, как это было давно!.. Вспыхнула война. Безусым юнцом ушел Миша на фронт. А после войны сразу же пришлось работать. Развеелись мечты, заслонило их иное, – может быть, даже несущественное, второстепенное. Вероятно, и не вспомнил бы о них Лымарь уже никогда, если бы не пришлось подводить баланс на тридцать втором году своей жизни. А теперь уже поздно. Поздно мечтать об аппарате для записывания мыслей, – тут хотя бы написать несколько слов о том, что Михаил Лымарь погиб, но не изменил своей Родине.

– Ну, так что? – послышался въедливый голосок.

– Катись к чертям, что ли! – с подчеркнутым безразличием ответил Лымарь и отвернулся к стене.

– Хорошо... хорошо... Заберите его!

Один из матросов освободил Михаилу ноги и помог ему подняться, другой – с автоматом в руках – подтолкнул: иди, мол.

Загудели моторы. Вероятно, субмарина всплывала на поверхность.

Минуты две пришлось ожидать в рубке перед люком. Но вот он открылся, и в подводную лодку ворвался легкий ветерок.

Раздувая ноздри, Лымарь дышал хрипло и учащенно. Благодатный морской воздух! Кажется, он способен излечить человека от какой угодно болезни, вернуть силы изнемогающему. С солеными капельками влаги, пьянящий, этот воздух был сейчас дороже всего в мире. Неужели же приходится дышать им в последний раз?!

Вооруженный матрос подтолкнул Лымаря, и тот, сжав челюсти, вышел на мостик.

Над морем повис мрак. Плескались волны. Вот одна из них, ласковая, белогривая, подкапталась прямо к ногам... И Лымаря вдруг охватила невероятная жажда жизни. Ах, если б только удалось освободить руки! Он сумел бы справиться с этими двумя, даже вооруженными!.. Или, может быть, прыгнуть в волны, нырнуть и плыть под водой, сколько хватит сил?.. Но опять же – куда уплывешь со связанными руками?

Лымарь оглянулся. Прямо на него смотрело молчаливое дуло автомата.

– Ребята... – страстно зашептал он. – Не убивайте! Я ведь тоже был солдатом. Вас защищал... Москва... Сталинград... Берлин...

Автомат вздрогнул. Лымарь шагнул вперед.

– Ребята, мы за мир... Москва...

Матрос, который стоял в стороне, жадно затягиваясь дымом сигареты, вдруг швырнул ее прочь, подошел к своему товарищу, положил руку на автомат и что-то начал говорить – быстро, взволнованно. Лымарь понял лишь одно слово: Сталинград.

Старший возражал, но неуверенно. И тогда первый решительно подошел к Лымарю, острым матросским ножом рассек веревку, стягивающую его запястья, положил этот нож ему на ладонь, легонько толкнул в плечо и показал пальцем куда-то в темноту:

– Малайя!

В то же мгновение Лымарь скользнул в воду, нырнул и вынырнул уже далеко от этого места. А еще секундой позже раздалась автоматная очередь. Трассирующие пули летели высоко над ним, на запад, к берегам Малайи. И в ту же сторону показывал рукой безымянный матрос, когда подводная лодка, набирая скорость, пошла в открытое море.

Вот уж и растаял во мгле приземистый силуэт субмарины. Человек в море остался один – за десятки километров от суши.

Один в море – это страшно! Но этот одиночка не боялся: теперь он держал свою судьбу в собственных руках.

Крепко сжимая нож, – свое единственное оружие, – Лымарь плыл и плыл... И точно так же неторопливо катились и катились нескончаемые плещущиеся волны.

Глава V

Корона „Королевы Вселенной“

...Первым желанием Джека Петерсона было броситься к окну и выпрыгнуть из него. Падение с высоты второго этажа могло окончиться лишь вывихом ноги в худшем случае, а встреча с Харвудом в его кабинете грозила более серьезными последствиями. Инженер теперь понял, что у Харвуда в руках находится чрезвычайно важное открытие, и босс не постесняется уничтожить того, кто проник в эту тайну.

Однако и побег через окно, как понял Джек после минутного размышления, был не менее опасен. Не говоря уж о том, что падение тяжелого тела вряд ли останется незамеченным, можно предполагать, что именно кабинет босса, – и окно в первую очередь, – оборудованы наиболее надежной электрической защитой. И еще одно обстоятельство удержало Джека от рискованного шага: Харвуд придет сюда вдвоем с девушкой, в которую, по-видимому, влюблен. Вполне вероятно, что удастся улучшить удобный момент и выскользнуть отсюда вслед за ними.

И вновь Джек Петерсон надел «радиошлем». Через минуту комнату наполнило уже знакомое серебристо-пепельное сияние, вновь ярко и многогранно распахнулся угрюмый тусклый мир. Но Джек уже не восхищался и не умилялся. Среди неисчислимых звуков он искал лишь голоса Харвуда и неизвестной мисс. Наконец он услышал:

– Бетси, дорогая, простите: я вынужден на минутку покинуть вас. Смит, я к вашим услугам...

Раздались шаги. Скрипнула дверь. Явственно, как будто над ухом у Джека, послышался шепот Смита:

– Генри, прибыл мистер Паркер... Держи себя с ним спокойно, но не вздумай заноситься наподобие глупого петуха. Паркер стоит полмиллиарда, и если он прибыл сюда собственной персоной – значит, мы выиграли!.. И еще, Генри: зачем ты морочишь голову с этим старым боровом Книппсом?.. Бетси – славная девушка, но ведь у старика не более трехсот миллионов!

Харвуд засмеялся довольно натянуто, как показалось Джеку Петерсону.

– Пятьсот плюс триста – восемьсот, старина! Кроме того, я не собираюсь жениться на Бетси вдвоем с тобой. Понял?

– Ладно, ладно, Генри! – заторопился Смит. – Надеюсь, ты не сомневаешься в моих лучших чувствах к тебе. Иди к Паркеру. Бетси я скажу, что ты вернешься через полчаса. Пусть поболтает со своим колбасником.

Книппс и Паркер!.. О, эти имена знал не только Джек Петерсон, а весь мир!.. «Колониальные товары Книппса», «Колбасы Книппса», «Натуральный каучук Книппса», «Консервы Книппса» – такую рекламу можно было встретить в любом из городов Старого и Нового света.

Англичанин Книппс был колбасным королем Англии, а в послевоенное время одним из крупных акционеров каучуковой «Денлоп раббер» компании в Малайе.

Американский туз Паркер рекламировал себя гораздо в меньшей степени. С него достаточно было скромных, черных с золотом табличек на входных дверях весьма заурядных зданий Нью-Йорка, Лондона, Парижа и многих других столиц. «Паркер Нейншл Банк» уже не нуждался в рекламе. Жонглируя миллионами долларов, он, оставаясь в тени, контролировал немало крупных компаний и банков помельче. Сейчас Паркер поставил своей целью совершенно вытеснить из Малайи англичан и в первую очередь Книппса. Агенты Паркера втихомолку, исподволь скупали акции «Денлоп раббер».

Джек Петерсон не был посвящен в закулисные стороны деятельности обоих миллионеров. Однако он очень заинтересовался возможностью присутствовать незримо при беседе,

которая, видимо, имела большое значение. Ему, правда, пришлось раздваивать свое внимание, так как он хотел послушать и Паркера, и Книппса.

Все тот же знакомый девичий голос, – Джек теперь догадался, что это была дочь Книппса, – произнес:

– Ну, папа, дело, кажется, приобретает благоприятный оборот. Генри заканчивает свои исследования. Я на звала его «Властелином мира», а он предложил мне корону «Королевы вселенной»...

– Призрак этой короны стоит мне шестьсот тысяч долларов! – недовольно прошамкал старческий голос. – Знай, Бетси: этот старый негодяй Паркер притащился сюда недаром. Боюсь, что он затевает какую-нибудь каверзу. Ну, что могут быть за дела у него с Харвудом?

– Папочка, ты и впрямь старенький, глупенький толстяк! – возбужденно засмеялась Бетси. – Генри мне объяснил: нужно договориться с Паркером заранее. Просто чтобы он не мешал нам. А затем... О, папа!.. Интегратор мистера Харвуда и миллионы мисс Книппс!.. Да мы раздадим Паркера, как муравья!

– Ну, миллионы пока что не твои! – фыркнул мистер Книппс.

– Папочка сердит? Папочка недоволен?.. Это плохо!.. Он обижает свою маленькую дочурку, да?..

Эта беседа перестала интересовать Петерсона. Он начал прислушиваться к другой.

– ...Как мне доложили... вы, мистер Харвуд... умеете делать бизнес... – скучно мямлил кто-то. – Но с Книппсом... у вас вряд ли выйдет дело. Старику не хватает размаха... Я осведомлен, что даже те полмиллиона долларов, которые затрачены вами на оборудование, были... э-э-э... просто подарены вам прелестной мисс Бетси...

– М-м-м... Я смог бы уплатить за вас неустойку... и... предоставил бы вам возможность построить новую лабораторию, не ограничивая вас в средствах...

Наступила пауза. Наконец прозвучал робкий, извиняющийся голос Харвуда:

– Но я люблю Бетси, и она согласна стать моей женой...

– М-м... Я не могу предложить вам подобной комбинации, ибо дочери у меня нет... Вот разве племянница?.. Но я предложу кое-что получше: в тот день, когда ваш аппарат начнет работать безукоризненно, вы станете моим компаньоном... Ваш интегратор и мои... э-э... миллионы... повергнут весь мир к ногам Америки...

Паркер умолк. Харвуд не отвечал.

Джек держался рукой за грудь, где бешено стучало сердце. Он присутствовал при заключении необычайной сделки с далеко идущей целью: покорить весь мир. Но его волновало не это. Миллионы долларов!..

Петерсон закрыл глаза, и в его воображении поплыла бесконечная вереница аккуратных золотых столбиков. Блеск металла ослеплял. В ушах слышался тонкий звон... А затем, словно на экране кинотеатра, нескончаемой вереницей поплыли универсальные магазины, комфортабельные автомашины, быстроходные яхты, мраморные дворцы, и женщины, женщины, женщины...

Джек не понимал что с ним делается. Он лишь почувствовал, что может иметь все это. Ведь что может быть проще: овладеть секретом интегратора, убрать... да, убрать – убить, уничтожить Харвуда и Смита. А затем...

Джек посмотрел на свои большие жилистые руки и внезапно увидел на них кровь... Да, это было очень давно, на ферме в Техасе. Его, десятилетнего мальчугана, заставили зарезать кролика. С тех пор Джека мучило при виде крови. Вот и сейчас...

И все же алчное чувство победило. Джек перестал интересоваться разговором Харвуда с Паркером. Зная, что в кабинет босса вряд ли удастся проникнуть когда-нибудь еще, инженер решил не терять времени даром.

Насколько хватало шнура «радиошлема», он отошел от прибора и, едва дотянувшись, достал со стола первое, что попало в руки – толстую кожаную папку. На ее обложке в правом верхнем углу тускло поблескивали готические буквы: «Отто Вагнер. Германия. Берлин».

– Вагнер... Вагнер... – шептал Петерсон, развязывая тесемки на папке. – Кто такой Вагнер?

Приходили на ум знаменитый композитор Вагнер, затем лейтенант Вагнер из Чикаго, ресторатор Вагнер, еще несколько Вагнеров. Но каким образом эта папка попала сюда?

Едва лишь взгляд Петерсона упал на первый лист объемистой рукописи, как инженер вскрикнул.

«Принцип работы интегратора» – было написано старательным, четким почерком. А немного ниже – подчеркнутое двойной чертой: «Предпосылки. I. Физическая».

О, Джек узнавал пресловутую немецкую педантичность! Логично, пункт за пунктом, раскрывалась сущность действия аппарата, предназначенного для приема и усиления электромагнитных колебаний мозга. Даже не обладая «радиошлемом», в десятки раз обострившим умственные способности, инженер смог бы легко разобраться в принципе действия интегратора.

А вот и схема прибора. Ого!.. Девятьсот восемьдесят радиоламп!.. Да и лампы неизвестные: «ОХ-6-П107», «Н-4-ВСУ»...

Инженер тщательно исследовал радиосхему. Лишь теперь он понял, что прибор, названный интегратором, представлял собой лишь один из вспомогательных узлов настройки. А основная конструкция – главный интегратор – очевидно, была очень громоздкой. На схеме ее окружал знак сплошного экранирования с примечанием: «Устанавливать на монолитной бетонной тумбе массой не менее трехсот тонн во избежание вибрации».

Джек понял принцип работы прибора, запомнил всю схему. Он мог бы хоть сейчас переписать ее вот на такой же точно громадный лист батистовой кальки.

Но чтобы сохранить эту невероятную память и способность к анализу, нужно обладать интегратором.

Петерсон решил во что бы то ни стало переписать основные выкладки рукописи и переписать радиосхему. Выдернув из стопы бумаги несколько чистых листов, он с жаром принялся за работу.

Дело подвигалось туго. Мысль уносилась далеко вперед, а рука, выписывая мелкие цепочки цифр и хитросплетения формул, ползла с черепашей скоростью. Стало ясно, что таким путем ничего не удастся добиться.

Джек с досады отшвырнул карандаш. Ну, а если просто-напросто плюнуть на все, захватить рукопись и попытаться бежать из Гринхауса?

Но куда убежишь? Даже до Сингапура отсюда не добраться за сутки. На автостраде, безусловно, тотчас же будут выставлены сыщики Харвуда, а углубиться в джунгли – значит, попасть в руки бунтующих туземцев или же в пасть к хищнику. Ах, если бы фотоаппарат!

Удивительное дело: едва лишь он подумал о фотоаппарате, как в воздухе послышался запах фотопленки. Да, да, слабенький специфический запах, столь знакомый Джеку со времен увлечения фотографией, усилившись многократно, теперь ощущался совершенно явственно. Значит, где-то в комнате была фотопленка!

Всего лишь несколько часов тому назад инженер рассмеялся бы, если бы кто-либо предложил ему найти по запаху спрятанную вещь. А сейчас он, как, может быть, его первобытный предок, раздувая ноздри, поводил головой из стороны в сторону.

Короткий шнур «радиошлема» не давал возможности подойти к тому месту, а без интегратора в темноте окажешься совершенно беспомощным. Однако Петерсон решился и на это. Он еще раз очень внимательно прослушал весь диапазон звуков.

Харвуд говорил ласково, вкрадчиво:

– ...Миллионы мистера Книппса, слившись с вашими, представят собой силу, которой не сможет противостоять никто...

Одновременно послышался капризный голосок Бетси:

– Ну, что же он так долго?

Петерсон решительно снял шлем и в наступившей абсолютной темноте на ощупь двинулся к окну. Первым делом он опустил тяжелую плотную штору, затем включил давно замеченную настольную лампу и открыл шкаф.

Ему явно везло. Он обнаружил не только большие запасы высокочувствительной пленки, но и новейшую модель фотоаппарата «Контактс» с автоматическим фотоэкспонетром.

Джек Петерсон фотографировал страницу за страницей, время от времени наведываясь к «радиошлему», чтобы прислушаться к беседе. Радиосхему он сфотографировал на всякий случай десять раз. Наконец, завершив дело, инженер аккуратно сложил страницы рукописи, завязал папку, положил на место фотоаппарат и опустил в карман восемь кассет по тридцать шесть снимков в каждой.

«Пятьсот плюс триста – восемьсот! – думал Джек Петерсон, усаживаясь в кресло перед интегратором. – Следовательно, каждая кассета стоит сто миллионов долларов!»

Но слишком далеко было до воображаемого счастья! Едва надев шлем, Джек услышал:

– ...А не поздно ли, Бетси?

– О, нет, нет, Генри! Я хочу, наконец, видеть ваши чудеса!

Итак, Харвуд с дочерью миллионера все же идут сюда. Приближается минута, которая должна решить все.

Джека охватило странное спокойствие. Обшарив взглядом комнату, он остановил свой выбор на массивном бронзовом пресс-папье: в сильных руках оно могло послужить страшным оружием. Определил на глаз расстояния до главных предметов, чтобы запомнить их взаимное расположение. Поднял и положил на стол отброшенный ранее карандаш. Выключил интегратор. На ощупь двинулся к двери. Встал за портьерой, сжимая в руке пресс-папье.

Проходила минута за минутой. Шагов в коридоре не было слышно.

Ожидание становилось невыносимым.

– Ну, иди же, иди! – шептал Петерсон, едва сдерживая противную дрожь мускулов.

Он принадлежал к категории людей, способных на решительные, даже безрассудные поступки, но лишь в минуты аффекта. Малейшее промедление распатывало его волю, будило сомнение в целесообразности задуманного, заставляло искать иной, лучший выход из положения.

Вот так случилось и теперь. Возбуждение начало сменяться апатией, безразличием. Призрак золотого тельца уже не смущал его душу. Больше всего в мире в эту минуту ему хотелось оказаться в постели и уснуть.

Может быть, именно потому Джек и упустил единственный удобный момент.

Петерсон ожидал Харвуда со стороны коридора. А босс и дочь миллионера появились неожиданно, внезапно, как из-под земли. Стена у бетонной глыбы легко скользнула вниз, и тогда оказалось, что кабинет Харвуда лишь часть громадной лаборатории.

Петерсона и Харвуда отделяло расстояние чуть больше метра. Стоило лишь напрячь мускулы, прыгнуть и...

Но пораженный, ослепленный ярким светом Джек Петерсон в первое мгновение растерялся, а когда спохватился – было уже поздно. Харвуд и Бетси Книппс подошли к грандиозному сооружению, стоявшему на бетонном фундаменте посреди лаборатории.

Это было нечто похожее на увеличенного в тысячи раз жука-плавунца, который подобрал под себя ноги, но вряд ли хоть один из этих водяных жителей имел столь безукоризненно обтекаемую форму и такой совершенный панцирь из прозрачной пластмассы. А когда Харвуд нажал на какую-то кнопку, сходство еще более усилилось: под панцирем начали мерцать и пульсировать многочисленные огоньки радиолампочек, – так, словно сооружение ожило и вот-вот сдвинется с массивного пьедестала, уничтожая все на своем пути.

Никель и стекло, пластмасса и провода, причудливые катушки, переключатели, циферблаты приборов – все в целом создавало величественную, неповторимую картину. Двое людей, стоявших у этого сооружения, казались жалкими, беспомощными муравьями.

Бетси Книппс посматривала на главный интегратор с восхищением и даже страхом.

– О, какая феерия! – прошептала она. – Так это и есть тот мозг, с которым не в силах состязаться мудрейшие из мудрейших?!

– ...и который полностью покорен вам! – галантно dokonчил Харвуд.

– В таком случае я хочу немедленно воспользоваться своим правом!

– Нет, Бетси... – Харвуд пригладил рукой волосы и, ведя под руку дочь миллионера, направился к дивану. – Не стоит. Это страшная машина... Садитесь, милая. Лучше помечтаем вдвоем. Вы слышали о профессоре Темплере?

Бетси, беззаботно качая ногой, наморщила нос:

– А, это тот сумасшедший поп?

– Нет. Весьма трезво рассуждающий физик, специалист по автоматике и телемеханике. Он сконструировал прибор с претенциозным названием «радиомозг». Этот аппарат имеет одиннадцать тысяч радиоламп и занимает трехэтажное здание; решает сложнейшие математические задачи, реагирует на цвет, звук...

– А в вашем аппарате, вероятно, сто тысяч ламп?

– О, нет! – самодовольно улыбнулся Харвуд. – Меньше тысячи!.. Так вот, этот Темплер выдвинул невероятно смелую гипотезу о создании мыслящих роботов. Машина с самым примитивным, звериным сознанием, автомат, слепо выполняющий приказы умного сильного человека, – разве это не идеальный солдат, рабочий, фермер?! Мыслящие машины, брошенные

против коммунистов, в течение нескольких недель установят на земле золотой век. Мыслящие машины не предадут и не повернут оружие против нас. Пусть они будут гибнуть сотнями и тысячами, – другие, еще более примитивные мыслящие автоматы на заводах восполнят убыль в стальных армиях... Рабочих – уничтожить. Фермеров – стерилизовать. Города – разрушить. Пусть на земле воцарится золотая эра избранных людей!

Харвуд был страшен. Его высокий лоб с прилипшими к нему реденькими волосами побагровел, тонкие губы хищно искривились, пальцы судорожно обхватили колено. Дочь миллионера смотрела на него с восхищением.

А Джек стоял в своем укрытии пошатываясь. Услышанное выходило за пределы самого разнузданного воображения.

Кровь... Озера, моря, океаны крови – вот что принесут с собой мыслящие машины... Нет, этого не должно случиться!

– Профессор Темплер прав... – уже спокойнее продолжал Харвуд. – Новый мир, действительно, нужно воздвигнуть на плечах роботов. Но мой коллега, к сожалению, не учитывает современного уровня техники. Если несложная в сущности машина для вычислений оборудована одиннадцатью тысячами радиоламп, пусть микрогабаритных, то сколько же их понадобится для мыслящего самолета, например?... Сто тысяч?... Миллион?

Харвуд умолк и, привлекая к себе дочь миллионера, зашептал:

– Я пошел по иному пути. Роботами, автоматами у меня станут живые люди. То есть не люди, а всяческие негры, китайцы и прочие. Вот эта машина... – он показал на агрегат среди зала, – эта машина может воспроизводить записанные на пленку чувства ужаса, невероятной боли, голода, радости, опьянения – чего угодно!.. Настанет час, и я с ее помощью внушу миллионам людей звериную ненависть друг к другу. Пусть это будут русские и китайцы, например. Они перегрызут друг другу глотки!..

– А... мы? – Бетси Книппс дрожала.

– Мы?! – Харвуд злобно захохотал и, подбежав к интегратору, – схватил «радиошлем». – Вот ваша корона «Королевы вселенной»! Пусть она не блещет алмазами, но с ней вы приобретете неземное блаженство!.. Смотрите, я включаю прибор. Через минуту вы увидите и услышите то, что скрыто для прочих смертных навсегда!

Харвуд надел «радиошлем». И в то же мгновение Джек Петерсон понял, что медлить нельзя: Харвуд услышит его дыхание, биение сердца, запах...

Неслышной тенью он выскользнул из-за портьеры и бросился к боссу. Дико взвизгнула Бетси. Харвуд испуганно оглянулся и торопливо засунул руку в карман.

Джек размахнулся пресс-папье... и грохнулся на пол. Он споткнулся о край ковра.

– Стой! Стой! Стреляю! – кричал Харвуд. Он успел вскарабкаться на бетонную тумбу и выхватить револьвер. – Руки вверх!

Джек оставил пресс-папье, перевернулся на спину и закрыл глаза – безразличный, готовый ко всему.

...А на экране интегратора извивались, выплясывали две ярко-зеленые причудливые змейки.

Глава VI

„Мыслящая машина“ бунтует

Бронетранспортер резко затормозил. Послышалась ругань:

– Ч-черт!.. Снова взорвали мост!.. Сворачивай направо, Боб!

С натужным ревом машина поползла куда-то вверх, затем спустилась вниз и, скрежеща гусеницами по камням, раскачиваясь с боку на бок, двинулась через какой-то бурный, но, вероятно, неглубокий поток.

Где-то совсем близко грохнул взрыв. На площадку бронетранспортера плеснулась вода. О борта машины застучали пули.

– Быстрее, Боб, быстрее! – обеспокоенно произнес тот же голос. – Мы сейчас как на ладони. Назад по едешь другой дорогой. Теперь они будут поджидать нас.

«Кто «они»?.. Какой именно дорогой?»

Впервые за несколько часов инженер Щеглов услышал слова из уст этих людей, услышал, не зная даже, кому принадлежит этот резкий, отрывистый голос.

Связанный, с мешком на голове, инженер лежал на площадке бронетранспортера, изнемогая от духоты, задыхаясь от гнева.

Все произошло так неожиданно, так внезапно... Когда прозвучал авральный сигнал, инженер бросился в трюм «Игарки», чтобы спасти наиболее важную деталь своего ультразвукового локатора – кварцевые стабилизаторы. Защитный кожух с прибора удалось снять – легко, но затем дело затормозилось. Не имея под руками соответствующих инструментов, инженер действовал карманным ножом. Стабилизаторы снять так и не удалось: через иллюминатор звукометрической кабины хлынула вода.

Когда Щеглов выбрался на палубу, «Игарка» уже глубоко сидела в воде. Она сильно накренилась на правый борт, и все шлюпки отошли далеко влево, чтобы не быть затянутыми в водоворот. А Щеглову уже не приходилось выбирать: он прыгнул с правого борта и как можно скорее поплыл от судна.

Инженер считал себя неплохим пловцом, поэтому-то и не беспокоился, что уплывает не в ту сторону, куда нужно. Вот еще немного, а затем можно повернуть назад... Но впереди мелькнул тусклый огонек, словно кто-то курил папиросу. Щеглов поплыл в том направлении. Через минуту огонек блеснул уже правее, дальше.

– Эй, на лодке! – закричал инженер.

Никто не ответил. Щеглов ускорил движения. Но и лодка, начавшая проступать во мгле серым пятном, не останавливалась. Инженер перешел на брасс, словно дело шло о первом месте в соревновании на скорость, догнал надувную резиновую лодку и, отфыркиваясь, сказал сердито:

– Ну, что это за шутки, товарищи?!

Кто-то молча протянул ему весло и помог вылезти из воды. А затем на его висок упало что-то тяжелое.

И вот теперь Щеглов не смог бы даже сказать, сколько прошло времени с момента гибели «Игарки». Тускло, неясно вспоминалась узкая металлическая камера. Кто-то, склонившись над ним, связанным, вытаскивал из его кармана непромокаемый бумажник с документами.

– Чеклофф... инженер... – слышалось на английском языке. – Ну, этого можно передать Харвуду. Помните, он просил?

Щеглов что-то закричал, но что именно – забылось. На его лицо упала мокрая тряпка, разлился неприятный, тошнотворный запах какой-то жидкости. И лишь вот здесь, в броне-

транспортере, если судить по рокоту мотора и скрежету гусениц, Щеглов окончательно пришел в себя, обессиленный, с тяжелой, словно после изнурительной болезни, головой.

Он не ругался, не угрожал, не кричал – все это было излишним. При таких обстоятельствах лучше прикидываться спящим, – может быть, удастся что-либо подслушать. Но, как назло, спутники попались не из говорливых. Лишь неожиданное приключение прервало молчание одного из них.

«Кто взорвал мост?.. Кто стрелял по машине?»

Инженер мог предполагать все, что угодно, с одинаковым шансом ошибиться.

«Может быть, партизаны?»

Возможно, что и партизаны: ведь вся юго-восточная Азия охвачена освободительным движением. Но какая же это страна?.. Вьетнам?.. Корея?.. Таиланд?..

Бронетранспортер вновь выбрался на ровную дорогу. Мотор теперь рокотал глухо, машина шла плавно, без толчков, – вероятно, по автострате.

– Когда возвратишься в Сингапур, – сказал тот же голос, – установи на транспортере еще один пулемет. Не мешало бы также укрепить борта.

– Да.

«Сингапур! – обрадовался инженер. – Итак – Малайя!.. Обстреливали малайские партизаны... Ну, говори же, говори дальше, мерзавец!»

Но вновь, – и очень надолго, – установилось молчание. Еще несколько раз бронетранспортер объезжал препятствия, наконец сбавил ход, остановился. Послышался лязг металла, скрип – вероятно, открывались ворота, а затем возглас:

– Хелло, Джонсон! Привез?

– Хелло, Смит!.. К сожалению, лишь одного. Но ты мне должен быть благодарен: настоящий русский, к тому же инженер!

– Хо!.. Не тот ли, случайно, что...

Голоса удалялись. Инженер уже едва-едва разбирал слова.

– Да, да!.. А где же Харвуд?.. Я должен ему кое-что передать.

– Говори мне. Харвуд занят.

«Джонсон. Смит. Харвуд».

Эти фамилии врезались в мозг Щеглова, как что-то чрезвычайно важное. Он не видел лиц этих двоих, но запоминал каждую интонацию голосов.

«Ну, погодите, Джонсон, Смит и Харвуд! – думал инженер, – Мы еще рассчитаемся с вами за все!»

Вновь зарокотал мотор, и бронетранспортер двинулся с места. Он свернул вправо, въехал в какое-то помещение, – рокот стал звонким, – и остановился.

– Перенесите его в пятую, – сказал кто-то.

Звякнуло железо. Чьи-то руки подняли инженера.

– Не околел ли он случайно?

– Да нет, дышит. Вероятно, без сознания. Беда с этими неженками – долго не выдерживают.

Вот тут-то и Щеглову стало страшно. Безразличные к судьбе человека голоса, загадочные намеки... Куда же, в конце концов, он попал? И что ожидает его здесь, где-то в дебрях Малайи?

Его положили на носилки, понесли куда-то... Направо... налево... Вверх... вниз... Наконец, как мешок с просом, бросили на что-то довольно твердое, развязали руки и ноги, стащили с головы мешок и ушли. Щелкнул замок.

Прошло несколько минут, и лишь тогда инженер открыл глаза.

Крошечная камера, обшитая блестящим металлом. Металлическая кровать, стул и стол, привинченные к полу. Ни единого окна, зато целый ряд темных отверстий в стенах. Под потолком – тусклая лампочка. На столе чистая бумага и несколько карандашей.

Внешний вид камеры не объяснял ничего. Тогда инженер произвел более тщательный осмотр.

Дверь – металлическая, сплошная, без единой щелочки. Под кроватью – пусто. В отверстия на стене можно засунуть кулак, но он сразу же натывается на какие-то решетки... Вентиляция?.. Но зачем столько патрубков? Хватило бы и одного. К тому же эти отверстия направлены как-то странно: наискось к поверхности стен.

Мозг, привыкший к проектированию, сразу же установил: если продлить эти патрубки в камеру, они пересекутся в двух точках, над столом, на уровне лица, и над кроватью – там, где в наклонно устроенном матрасе сделана выемка для головы.

Может быть, это трубы для наблюдения?.. Но не лучше ли установить один экран – на потолке хотя бы?

Да, опасность могла прийти из этих отверстий. И наиболее неприятным было то, что неизвестно, как бороться с ней.

Как ни был возбужден сейчас Щеглов, но длительное путешествие с мешком на голове давало себя знать. Ныли мускулы всего тела. Болели глаза. Хотелось лечь, уснуть и спать долго-долго. К тому же и в самом деле следовало отдохнуть, чтобы восстановить силы.

Инженер устроился на кровати, положив ноги на возвышение. Но так было непривычно и неудобно. Вскоре у него заболела шея и перед глазами пошли круги: кровь прилиwała к голове, лежавшей очень низко. И тогда Щеглов, махнув рукой, улегся наоборот, – именно так, как этого, вероятно, добивался тот, кто оборудовал камеру.

Как ни старался Щеглов, он не мог уснуть на протяжении часа или двух, а затем внезапно как бы упал в темную молчаливую пропасть. Он спал, пожалуй, долго, крепко, без сновидений – и проснулся оттого, что его начал душить смех.

– Ох-хо-хо!.. Ха-ха-ха!.. – хохотал инженер, протирая глаза.

Он опомнился, вскочил с кровати, сел у стола, пощупал лоб: что это – сумасшествие?.. До смеху ли сейчас?

Но ему все равно хотелось смеяться. Хохотать. Ржать, схватившись за живот. Это дикое желание приходилось сдерживать ценой громадного напряжения воли.

И вдруг ему стало грустно, тоскливо, горько. Потянуло склониться к кому-нибудь на плечо, заплакать, пожаловаться на горькую долю... И он, этот взрослый мужественный человек, не раз смотревший смерти в глаза, в самом деле чуть не заплакал. Обхватил голову руками. Застонал... И вдруг вскочил: в нем вспыхнул неожиданный гнев – неизвестно против кого. Захотелось громить, коверкать, ломать. Не помня себя, он грохнул кулаком по металлическому столу так, что письменные принадлежности разлетелись во все стороны. Это разъярило его еще больше, и он начал рвать бумагу, ломать карандаши. Один из них упал и покатился под стол, в угол. Щеглов нагнулся, чтобы искромсать и его... и опомнился: да что же это такое?! Надо взять себя в руки. Начать какие-нибудь вычисления, что ли, лишь бы сосредоточиться и не давать воли возбужденным нервам.

Но как только он поднялся, гнев охватил его с еще большей силой. Карандаш! Проклятый карандаш! Его нужно поднять с пола, раздробить в щепки, растереть в порошок!

И вновь у инженера прояснилось в голове, когда он забрался под стол. Восстановилась способность к рассуждению.

– Погоди, погоди... – бормотал он себе под нос. – Отверстия... Против стола... А что если подняться лишь на одно мгновение?

Он выглянул из своего убежища на долю секунды, но и этого было достаточно, чтобы установить: да, болезненные явления психики наблюдаются над столом, а под ним – нет.

– Какой-то газ? – соображал вслух инженер. – Нет, тогда везде было бы одинаковое действие... Лучи?.. Но какие?.. Да, вероятно лучи – иначе зачем же эти металлические стены?

А металлическая крышка стола – хороший экран... Ну, так, господа, – кто вы там ни есть – прошу!.. Продолжайте ваши эксперименты, а я посижу под столом!

С видом мальчишки, перехитрившего кого-то из противников, Щеглов устроился в своем укрытии поудобнее.

– Так... Смех, горе, гнев... Неожданная смена настроений... Как это объяснить?.. Что же вы еще припасли для меня, господа?.. И, вероятно, не только для меня...

Он привык рассуждать с самим собой, – так почему-то легче находилось правильное решение.

– Следовательно, лучи смеха, лучи гнева, лучи грусти... Паршивые же это лучи, если от них можно уберечься, надев на голову кастрюлю, например, не говоря уже о каске... А почему на голову? – возразил он сам себе. – Может быть, нужно закрыть все тело?

Проверка предположения заняла немного времени: сначала Щеглов высунул из убежища руку и подержал ее над столом, затем спину и наконец ухитрился, стоя на руках, «облучить» ноги. Никакого действия.

Но едва инженер попытался подняться – в его уши врезался звук невероятной силы. Походило на то, что из каждого отверстия комнатки загудел паровозный гудок.

Щеглов закрыл уши ладонями, но это не помогло.

– Что-то новое... новое... – бормотал он. – Лучи звука?.. Абсурд!.. А если отойти в противоположный угол?

Он направился к двери. Звук ослабевал с каждым его шагом.

– Странно... очень странно... Да, это какие-то лучи... Но какие?

Звук внезапно оборвался, зато перед глазами у Щеглова появился свет. Шаг назад – свет усилился. Еще шаг – начал ослеплять. Можно было закрыть глаза, отвернуться, закрыться – сияние не ослабевало нисколько.

Погас и свет. Инженер засмеялся. Затем захохотал:

– Ах, господа, ваша программа исчерпана!.. Снова смех... Снова...

Но этот его смех был уже неестественным – и, как это ни странно, сопротивляться смеху было труднее всего. Инженер вновь забрался под стол.

Смешно, когда под крошечным столом, согнувшись в три погибели, сидит человек солидный, взрослый. Но Щеглов не замечал комизма своего положения. Он теперь убедился, что его ждет тяжелое испытание. Весь этот «концерт» был устроен специально. Зачем?.. А может быть, среди этих многочисленных лучей, которые, вероятно, действуют на мозг, есть и «лучи болтливости»? «Лучи предательства»?... Но что можно вытянуть из него, работавшего с ультразвуковым локатором, если эти приборы – уже давно перестали быть секретными?.. Следовательно, тут что-то иное. Нужно быть начеку...

Так размышлял инженер Щеглов, сидя под столом в полной уверенности, что ему удалось перехитрить еще не виденных им Джонсона, Смита и Харвуда.

...А Смит и Харвуд все это время внимательно следили за каждым его движением на экране телевизора.

– Хитер, дьявол! – раздраженно сказал Смит. – Так хорошо пошло все сначала, а затем... Неужели догадался?.. Ну, так я переведу его сейчас в четвертую. Там нет никакой защиты от излучения. Я его пристегну! Он у меня заплещет!

– Оставь! – холодно прервал его Харвуд. – Удивляюсь, откуда у тебя столько желчи? Чем он насолил тебе, в конце концов?.. Оказался умнее тебя? Проектировал камеру ты – вот и помалкивай!.. А мне он нравится. Сметлив. Изобретателен... Я читал его научные труды, – к сожалению, лишь об ультразвуке. Талантлив... Если удастся его сломать – это будет прекрасная «мыслящая машина».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.